

Она помедлила и добавила:

— К тому же, насколько мне известно, они обе традиционной ориентации, и парней, с которыми они встречались, по пальцам одной руки не пересчитать.

Цзян Сюэхэ спросила:

— А ты?

Янь Гуйцю чуть не подняла руку, чтобы поклясться:

— У меня это первая любовь!

Цзян Сюэхэ усмехнулась и сказала:

— Просто к слову спросила, не нужно так нервничать.

Янь Гуйцю кивнула и польстила в ответ:

— Это у Сюэхэ-цзэ отличная память.

Эта одежда была из коллекции аж нескольких летней давности, она и сама уже не помнила, когда именно закинула её в чемодан.

Цзян Сюэхэ легко кашлянула, редко когда выглядя хоть капельку смущенной. Она потерла нос и сменила тему:

— Утром знакомый подсказал мне несколько помещений, все они здесь, на западе города, одно из них как раз рядом с твоим университетом. Я хочу на следующей неделе уже окончательно всё решить, но не слишком хорошо ориентируюсь на местности. Гуйцю, у тебя будет время составить мне компанию и посмотреть их?

Янь Гуйцю моргнула и, не задумываясь, кивнула:

— Хорошо!

Цзян Сюэхэ улыбнулась и мягко произнесла:

— Тогда заранее тебе спасибо, выручишь.

Янь Гуйцю торопливо кивала, настроение её взлетело до небес, казалось, она в одно мгновение воспарила в облака, и даже когда они выходили из машины, ноги словно не касались земли.

Цзян Сюэхэ припарковала машину у дома, а Янь Гуйцю указала ей нужный этаж с арендованной квартирой.

Это был сравнительно новый жилой комплекс с отличным озеленением. Сами дома невысокие, наружные стены выглядят очень красиво, а совсем рядом находится спортивная площадка соседнего университета, переходящая в небольшой парк за пределами квартала.

И впрямь очень удобное для повседневной жизни место.

Цзян Сюэхэ запомнила адрес, договорилась с Янь Гуйцю о времени, после чего попрощалась и уехала.

Когда Янь Гуйцю вернулась, Сун Аньчэнь как раз колдовала на кухне над своим очередным кулинарным шедевром. Услышав, как хлопнула входная дверь, она кивнула на телефон, лежавший на столе, и произнесла:

— Тебе только что звонила тётя Мэн.

— Моя мама? — переспросила Янь Гуйцю. — Что-то случилось?

— Говорит, на следующей неделе уезжает в командировку, и окольными путями расспрашивала, какие у тебя планы. Вроде бы у неё есть ещё какое-то дело, лучше сама перезвони и расспроси, я толком ничего не поняла, пусть лучше она тебе всё лично объяснит.

Янь Гуйцю протяжно выдохнула «о», продолжая стягивать обувь, после чего взяла телефон и пролистала историю сообщений в мессенджерах.

Самое свежее было двухдневной давности — с напоминанием, что похолодало, и призывом не забывать одеваться теплее.

— Ну вы и семейка, до чего же обаятельно-непонятные, у вас что, какой-то синдром цифрового социального аутизма? Дома ведь вроде нормально общаетесь, — ворчала Сун Аньчэнь, выключая плиту.

— Наверное, просто ещё не до конца влились в современную жизнь, в конце концов, она столько лет пролежала в больнице.

Янь Гуйцю бросила Сун Аньчэнь:

— Я на балкон, перезвоню ей.

Сун Аньчэнь угукнула. И только когда Янь Гуйцю прошла через комнату и скрылась из виду, невольно тихо вздохнула.

По сравнению с простой и дружной семьей Сун, Янь Гуйцю приходится вовсе не сладко.

В детстве — ожесточенная борьба за власть и закулисные интриги на стороне отца; едва подросла — и на стороне матери покоя не было. А после автокатастрофы та пролежала в больнице несколько лет, едва не лишившись даже последних крох материнского наследства.

В тот период Сун Аньчэнь и Янь Гуйцю виделись не так уж часто, и вовсе не из-за испортившихся отношений — просто Янь Гуйцю была безумно занята.

Выкроить время хотя бы раз в месяц, чтобы вместе пообедать, уже считалось роскошью, а в университете ей приходилось пачками писать заявления на отгулы и пропускать занятия, из-за чего она едва не завалила выпускные.

Наверное, именно поэтому, когда Янь Гуйцю решила оставить Клан Янь и зажить тихой жизнью обычного человека, остальные члены семьи тоже предпочитали лишний раз её не беспокоить.

Если и возникала необходимость с ней связаться, им приходилось окольными путями расспрашивать её друзей, и лишь убедившись, что она не занята и в хорошем расположении духа, они наконец решались заговорить.

Для такого нормального человека, как Сун Аньчэнь, подобный формат общения казался диковатым, но раз сама виновница торжества была не против, ей оставалось лишь молчать.

В конце концов, она дружит с Янь Гуйцю, а не с Кланом Янь, так что самое главное — чтобы Янь Гуйцю была счастлива.

Сун Аньчэнь помотала головой, отгоняя лишние мысли, и разбила в сковородку пару яиц.

Тем временем на балконе Янь Гуйцю набрала номер матери, Мэн Синлань.

Гудки шли всего секунду, прежде чем вызов приняли, и на заднем плане даже послышался голос матери, объявляющий об окончании совещания.

Вскоре звук стал чище, и разговор начался, как водится, с кратких взаимных приветствий.

Мэн Синлань сообщила, что на следующей неделе отправляется в командировку и будет проездом в городе Юньхуа, поэтому хотела бы пообедать с дочерью. У Янь Гуйцю не было никаких поездок в ближайшее время, так что она сразу согласилась.

Следом последовал второй вопрос.

— Второй сын твоего дяди Гу вернулся из-за границы, говорит, хочет с тобой увидеться. Кажется, ты ему небезразлична, хочешь с ним встретиться?

— Дядя Гу? — Янь Гуйцю прищурилась, припоминая, о ком речь. — Второй сын? Это случаем не мой одноклассник из средней школы?

Мэн Синлань ответила утвердительно.

Тот самый молодой господин Гу в свое время уже признавался Янь Гуйцю в чувствах, но закономерно получил решительный отрезвляющий отказ, на какое-то время став посмешищем на всю школу.

Позднее этот парень уехал за границу, и вестей от него не было, так что Янь Гуйцю давно выбросила его из головы.

Кто бы мог подумать, что он всё это время помнил о ней, и первым делом по возвращении на родину принялся увиваться за её матерью.

Нынче Янь Гуйцю вовсе не блестящая старшая барышня из высшего общества — для многих она стала олицетворением человека, порвавшего с семьей, или бродячей неудачницы. И раз уж он помнит о ней даже при таком раскладе, значит, в его чувствах и впрямь есть доля искренности.

Но Янь Гуйцю осталась глуха к этому. Задавшись парадигмой чистого любопытства, она переспросила пару деталей и без колебаний отклонила предложение:

— Не надо, я всё равно не смогу полюбить его, незачем тратить чужое время.

Мэн Синлань ответила:

— Хорошо, я придумаю предлог и откажу ему за тебя.

Наступила короткая тишина.

Госпожа Мэн от природы не умела изливать нежные чувства, и стоило Янь Гуйцю умолкнуть,

как женщина растерялась, не зная, что ещё сказать.

Конечно, ей хотелось расспросить о многом: как здоровье, как успехи в учебе? Еще хотелось узнать, какое у дочки нынче настроение, ест ли она вовремя, не случилось ли чего-то неприятного...

Но слова застревали в горле, не находя выхода.

Янь Гуйцю с детских лет отличалась твердым характером. Из-за её излишней самостоятельности близким почти не оставляли лазеек для опеки, и со временем даже самые искренние проявления заботы начали казаться чем-то нелепым.

В конце концов тишину нарушила сама Янь Гуйцю. Откинув голову назад и прислонившись к оконной раме балкона, она смотрела, как в ясной синеве неба пролетают птицы.

Она пыталась отвлечься на пустяки, в то время как её сердце раздирали сомнения насчет совсем другого дела.

— А не слишком ли быстро?

Поколебавшись долю секунды, она всё же приняла решение — Янь Гуйцю не привыкла оставлять себе пути к отступлению, чтобы потом жалеть.

Чего хочешь — бери, протянув руку.

Пусть впереди зияет бездонная пропасть и в конце концов от неё останутся лишь осколки, это всё равно лучше прожитой впустую жизни и сожалений о несделанном.

В этом новом путешествии по миру осталось слишком мало вещей, способных взволновать её душу.

На небе неспешно плыли облака, и мягкие очертания облачка в уголке зрения до боли напоминали лицо Цзян Сюэхэ.

Стоило закрыть глаза — и перед мысленным взором возникало оно же.

Травы, деревья и весенний ветер стали для неё целым миром.

— Мам, — беззвучно вздохнула Янь Гуйцю и выпрямилась, застыв так прямо, словно школьница на докладе, хотя её никто не видел. — Я хочу кое-что тебе сказать.

— Что такое?

— Мне понравилась одна девушка.

— ...

Шум ветра звучал долго-долго. Янь Гуйцю почувствовала, как ладони от напряжения покрылись потом, и уже решила, что на том конце провода сейчас просто бросят трубку, как вдруг услышала очень тихое:

— Ого.

А следом голос стал чуть отчетливее:

— Когда определитесь со всем окончательно, приводи, покажешь нам.

— Хорошо, — Янь Гуйцю почувствовала, как пересохло в горле. Откашлявшись, она произвела:
— Она очень хороший человек, она мне безумно нравится.

— Тогда береги её как следует, — наказала Мэн Синлань.

— Угу! — Янь Гуйцю снова улыбнулась.

Сун Аньчэнь, стоявшая у двери комнаты с тарелкой в руках, вздрогнула и медленно выдохнула.

А когда Янь Гуйцю повернулась и зашагала обратно, та резко переменилась в лице и с криком бросилась на кухню:

— Моя яичница!

-

Сун Аньчэнь с мученическим выражением лица заталкивала в рот обуглившуюся, твердую, горькую и временами испускающую искры яичницу, как вдруг её выдернуло из кошмара громким толчком.

Снаружи донесся стук в дверь, а за занавесками угадывался пробивающийся утренний свет — судя по всему, было уже не рано. Потирая взъерошенные птичьим гнездом волосы и зевая, она открыла дверь и увидела, что Янь Гуйцю, давно уже умытая и полная сил, подбоочившись, ждала у порога и постукивала в косяк.

Сун Аньчэнь поверх её плеча глянула на электронные часы на стене: девять пятьдесят шесть, понедельник.

— Вы же с Цзян Сюэхэ вроде на завтра договаривались? Чего ты с самого утра такая бодрая?

— Сначала иди почисти зубы и умойся, я уже вызвала мастера, чтобы замерил шкафы, — взглянув на часы, объявила Янь Гуйцю. — Договорились на десять тридцать, как раз успеем.

— Зачем мерить шкафы? — Сун Аньчэнь скосила глаза на платяной шкаф в комнате. Его оставил арендодатель, и хотя он был не то чтобы огромным, для одного человека места хватало с избытком, особенно учитывая, что Янь Гуйцю обычно ночевала в главной спальне.

Янь Гуйцю развернулась и притащила два чемодана. Сун Аньчэнь мельком заглянула внутрь и обнаружила, что там лежали вещи, которые другие люди так или иначе забывали или оставляли у Янь Гуйцю.

— Вещи складывать. Шкаф здесь слишком маленький, для такого количества вещей его не хватит, а если ещё и сортировать, то тем более.

— ...внезапно у меня пропало желание спрашивать подробности.

— Вы все вечно шатаетесь где попало, так что каждому из вас изготовят по личному шкафу, потом наклеим бирки, чтобы быстро и удобно находить своё. Ах да, впредь в общественных местах старайтесь сводить к минимуму телесный контакт — да и наедине тоже лучше воздержаться.

Говорит так, будто они тут все одержимы тактильным безумием.

Сун Аньчэнь закатила глаза, онемевшими пальцами засунула зубную пасту в рот и пробормотала сквозь пену:

— Это ты А Луань скажи, ведь только она вечно норовит запрыгнуть кому-нибудь на шею.

Чистя зубы, она украдкой бросила взгляд на тёмные круги под глазами Янь Гуйцю.

Хотя они стали не так заметны, как раньше, они всё ещё отчетливо виднелись — наверняка опять полночи просидела без сна.

Движения Сун Аньчэнь замерли:

— Ты что, опять составила свод из сотни правил поведения для влюбленных?

Янь Гуйцю не стала отпираться и заявила с полнейшей невозмутимостью:

— В конце концов, я же теперь человек с пассивей, разумеется, мне пора учиться держать дистанцию!

Сун Аньчэнь: ...Вся в себя.

Глава 9

Вернувшись в университет, Тань Сянси оказалась в центре всеобщего внимания.

Недавнее похищение наконец завершилось, но ради следствия шестеро или семеро студентов упустили последние рейсы и возможности для регистрации, из-за чего им пришлось со слезами на глазах отказаться от поездки на этот сбор и выступление.

Если бы всё действительно ограничилось случайностью, но ведь отправной точкой стал поступок самой Тань Сянси.

Сначала она опоздала, потом заявила, что перепутала документы; сопровождающий преподаватель взял на себя ответственность и перебронировал билеты, но в итоге самолет задержали, и им пришлось задержаться в отеле ещё на сутки.

Ранним утром следующего дня однокурсники постучали к ней в номер и обнаружили, что Тань Сянси внутри нет, а на ресепшн сказали, что видели, как она ушла за завтраком.

Уйдя тогда, она больше не возвращалась, и лишь когда вечером преподаватель обратился в полицию, выяснилось, что девушку уже доставили в больницу.

Из-за показаний самой Тань Сянси нескольких студентов и преподавателей задержали в качестве подозреваемых или свидетелей для помощи в расследовании. Выяснилось, что один из преподавателей срочно нуждался в деньгах из-за тяжелой болезни родственника и, узнав, что Тань Сянси попала в поле зрения бандитов, спонтанно решил разыграть спектакль и потребовать у её семьи выкуп.

Но едва вернувшись, он начал сожалеть о содеянном, тянул до самого вечера и под нажимом студентов в конце концов позвонил в полицию.

В конечном счете преподаватель признал вину и был арестован, его карьера и будущее пошли прахом, в то время как оставшиеся студенты совершенно напрасно хлебнули горя.

Отношения этой группы с Тань Сянси и до того были натянутыми, а после случившегося на нее затаили злобу абсолютно все, и даже соседки по комнате перестали с ней разговаривать.

На душе у Тань Сянси скребли кошки, но высказать обиду она не смела. Опустив голову, она два дня промаялась по кампусу, пока смутно не почувствовала, что пересуды вокруг приняли какой-то странный оборот.

Стоило ей зайти в столовую и примоститься за столиком, как на нее тут же устремлялись чужие взгляды.

Словно разносясь по цепочке, всё больше и больше людей оборачивались на нее, а в глазах их читалось нечто вроде... жалости?

В общежитии ее соседки вернулись вместе с подругами из соседней комнаты и о чем-то тихо шептались, пока Тань Сянси не услышала собственное имя.

Заметив ее в дверях, обе девушки тут же умолкли и неловко замялись.

Соседка из соседней комнаты легко кашлянула, махнула рукой и, поспешно отворив дверь, скрылась внутри.

Соседка по комнате впервые за всё время по возвращении посмотрела на Тань Сянси прямо. Выражение ее лица было словно застывшая недоговоренность, смешанная со сложно читаемыми эмоциями, но в конце концов та лишь тяжело вздохнула.

— Тебе тоже пришлось нелегко, — с чувством произнесла соседка.

— ...Что вообще происходит? — Тань Сянси растерянно хлопала глазами.

— Ты разве не знаешь? — соседка сочувственно посмотрела на нее, поколебавшись секунду-другую, словно решая, стоит ли говорить. — Это насчет Янь Гуйцю.

Слух о том, что Янь Гуйцю влюблена в Тань Сянси, уже давно стал достоянием всего университета: стоило зайти речи о Янь Гуйцю, как люди неизменно вспоминали Тань Сянси.

И наоборот.

Тань Сянси рефлекторно нахмурилась.

— Кажется, она влюбилась в кого-то другого, — осторожно выронила соседка.

— Разве это не здорово, — улыбнулась Тань Сянси, и на душе у нее в самом деле отлегло.

Выписавшись из больницы, она питала к Янь Гуйцю лишь глубокое отвращение и неприязнь —

та не только совершенно не умела проявлять заботу, но даже перед лицом болезни только и твердила о деньгах, вела себя легкомысленно и развязно, относясь к чувствам как к шутке и бросая слова на ветер.

От такого человека ей хотелось держаться как можно дальше.

Вот только как же жаль того бедолагу, в которого та влюбилась.

Думая об этом, Тань Сянси неожиданно для себя вспомнила слова, сказанные Янь Гуйцю ранее.

— Я тоже собираюсь добиваться Цзян Сюэхэ.

Наверняка это была просто шутка? Тань Сянси вдруг охватило легкое беспокойство.

Соседка продолжила:

— Это хозяйка картинной галереи. Янь Гуйцю не появляется в университете, но каждый день носит в галерею цветы для этой женщины, и когда её спрашивают, она ничего не отрицает.

Лицо Тань Сянси окаменело.

— Какая галерея? — выдавила она.

Соседка ответила:

— Ну та, что в переулках у южного выхода, новенькая. Хотя она еще не открылась официально, многие уже заглядывали туда. Хозяйка невероятно красива, говорят, совсем недавно вернулась после учебы за границей...

Улыбка Тань Сянси окончательно застыла на лице.

Соседка замолчала, истолковав её реакцию по-своему: разве могла Тань Сянси оставаться равнодушной, когда за ней так «страстно» ухлестывали столько времени?

В глазах соседки тут же проступили жалость и сочувствие, а взгляд невольно скользнул по макушке Тань Сянси, словно та уже носила развесистые рога.

— Свет клином на ней не сошелся... — соседка помедлила и с трагичным видом изрекла: — Прими мои соболезнования.

Тань Сянси: ...

-

Галерея.

Янь Гуйцю вздрогнула, настороженно оглянулась на звук, но увидела лишь плотно закрытую дверь.

Это была студия в глубине галереи, личная мастерская Цзян Сюэхэ. Вещи только перевезли, и они валялись повсюду, но Цзян Сюэхэ не любила подпускать чужих к своим личным работам, так что заходить сюда разрешалось разве что самой Янь Гуйцю.

В комнате больше никого не было.

— Что такое? — раздался голос Цзян Сюэхэ неподалеку.

— Ничего. Просто показалось, что кто-то за спиной ругает. — Янь Гуйцю потерла заднюю часть шеи, повернулась обратно и принялась аккуратно расставлять цветы в прозрачной вазе.

Сегодняшний букет состоял из белых лилий, чей тонкий аромат заполнял просторную мастерскую.

Цзян Сюэхэ разбирала посылки из-за границы, бросила взгляд на цветы на столе и с улыбкой произнесла:

— Наверное, кто-то вспоминает тебя добрым словом.

Янь Гуйцю тоже улыбнулась:

— С чего бы кому-то вспоминать меня.

Цзян Сюэхэ лишь улыбнулась в ответ и не стала развивать тему.

Даже без специальных расспросов было очевидно, что у такой девушки, как Янь Гуйцю, превосходно развиты навыки общения: сперва была Сун Аньчэнь, а потом к ним в галерею заглядывали студенты и непременно здоровались с ней, невольно принося с собой университетские сплетни.

Приходивший утром младшекурсник был хорошо знаком с Янь Гуйцю — они, судя по всему, состояли в одном кружке. Он заявил, что пришел ради репортажа для университетской

стенгазеты, но стоило ему переступить порог, как все его глаза были прикованы исключительно к Янь Гуйцю.

Пока Янь Гуйцю добровольно и безропотно помогала в лавке, а Цзян Сюэхэ не возражала против ее близости, студент этот, видимо, напридумывал себе бог весть что. Уходя, он сжимал блокнот с исписанными страницами, но напоследок в его глазах читалось горькое разочарование.

Цзян Сюэхэ видела всё от начала до конца, но не стала указывать на это Янь Гуйцю.

Та же выглядела так, будто ничего не замечала: помахала на прощание младшекурснику, а затем с головой ушла в наведение порядка в галерее, больше ни разу не вспомнив о госте.

Цзян Сюэхэ не решалась признаться самой себе, что это радовало ее сердце, ведь озвучь она это — и её мысли покажутся слишком низкими, поэтому она просто молчала.

— В следующем месяце ко мне возвращается один друг, я хочу пригласить его пообедать, но плохо разбираюсь, какие рестораны в городе Юньхуа заслуживают внимания, — вынимая вещи из коробки, поинтересовалась Цзян Сюэхэ. — Гуйцю, у тебя есть на примете что-нибудь подходящее?

Этот короб был заполнен книгами, и Янь Гуйцю, закончив с цветами, подошла помочь:

— Он тоже художник?

Цзян Сюэхэ покачала головой:

— Скорее, бизнесмен. Нам нужно обсудить кое-какие дела, так что потребуется местечко потише.

Бизнесмен...

Впрочем, вполне логично. С характером Цзян Сюэхэ было бы странно и дальше оставаться в позиции «мир да гладь» и плыть по течению.

Янь Гуйцю немного подумала и назвала несколько неплохих вариантов:

— На востоке города есть пара известных ресторанов западной кухни, там фешенебельный район. Если же вы предпочитаете китайскую, то всего в двух километрах отсюда работает отменный местный ресторанчик...

Цзян Сюэхэ кивала, запоминая всё по порядку, а затем поинтересовалась:

— Сможешь составить мне компанию, если будет время? Я угощаю.

Янь Гуйцю опешила.

Цзян Сюэхэ пояснила:

— У этого друга довольно изысканный вкус в еде и много ограничений в рационе. Я боюсь прогадать и не угодить его предпочтениям, поэтому хочу заранее заглянуть туда на разведку.

— Если тебе неудобно, тогда давай не... — заметив изумление на лице Янь Гуйцю, она осеклась и хотела уже забрать слова обратно.

Янь Гуйцю поспешно ответила:

— Удобно!

— Разве это не нарушит твои личные планы?

— Нисколько, нисколько, у меня в последнее время всё равно нет никаких дел. Сначала я планировала после сдачи диплома поехать с другом на юг, но у него возникли срочные дела, поездка сорвалась, так что я абсолютно свободна.

— Вот и славно.

<http://bllate.org/book/19089/1874652>